

СТАНКЕВИЧ, Николай Владимирович [27.IX(9.X).1813, с. Удережка Острогожского у. Воронежской губ. -- 25.VI(7.VII).1840, Нови, Италия; в том же году прах перевезен в Россию] -- эстетик, философ, поэт. Детство провел в имении отца, богатого и практичного помещика, впоследствии много помогавшего сыну. С. рос в большой семье (4 сестры и 5 братьев), в атмосфере доверия и любви. Окончил Острогожское уездное училище (1823--1825) и частный благородный пансион в Воронеже. Здесь в 1830 г. познакомился с А. В. Кольцовым и, оценив талант русского "самородка", содействовал его литературному дебюту в столице (1831), а в 1835 г. на собранные по инициативе С. средства вместе с В. Г. Белинским издал сборник стихов. В историю русской литературы и культуры вошел как создатель "кружка Станкевича" (1831 --1839). Два последних года кружок существовал без участия С., в августе 1837 г. уехавшего за границу из-за обострившейся чахотки и для углубленных занятий философией с известными профессорами-гегельянами Берлинского университета. Кружок сложился вскоре после поступления С. на словесное отделение Московского университета (1830, окончил в 1834); собрания происходили в доме университетского преподавателя физики М. Г. Павлова и на др. московских квартирах С. Среди участников кружка, объединявшего дворянскую просвещенную молодежь и выходцев из разночинной среды, в разное время были Я. М. Неверов (ближайший друг С., которого он ценил за твердость нравственных правил и "величайшую доброту"), поэты И. П. Ключников и В. И. Красов, с 1833 г.-- Белинский, К. С. Аксаков, А. П. Ефремов, А. А. Беер, П. Я. Петров, О. М. Бодянский, М. А. Бакунин (близкие отношения с ним как наиболее восприимчивым философским единомышленником установились в 1835 г., но к 1837 г. распались), позднее -- В. П. Боткин, М. Н. Катков и др. Сохранившаяся переписка С. с членами кружка, с Т. Н. Грановским (друг С. с 1834 г. до конца жизни; с ним и Неверовым С. тесно общался за границей, в Берлине они жили в одном доме), И. С. Тургеневым (сблизившимся со С. в Риме и оставившим "Воспоминания о Станкевиче"), а также с заграничными друзьями, в особенности Е. П. Фроловой,-- ценнейший памятник русской умственной жизни 30 гг. Это редкий человеческий документ, запечатлевший личность С.-- разностороннюю, романтическую, погруженную в высокие материи и вместе с тем натуру цельную, естественную, простую в общении. "Тоску" С. по простоте, его сознательную "тягу к нормальности" отмечали все современники. Переписка С. издана его племянником А. И. Станкевичем в 1914 г. (см. далее в ссылках: "Переписка")

Кружок С.-- кружок романтических идеалистов 30 гг.-- означил собой новую эпоху интеллектуального и духовного состояния русского образованного общества. По непосредственной своей ориентации кружок был шеллингианским -- в нем изучались и обсуждались философские системы Ф. Шеллинга, позднее Гегеля (частично И. Канта и И. Г. Фихте), но по существу в кружке формировалось во многих аспектах самостоятельное, "цельное", личностное мировоззрение. Потребность в единой общей идее, обнимающей весь мир и дающей смысл миру и человеку, его сознающему, ощущалась всеми членами кружка, она объединяла их независимо от склонности и способности кого-либо из его участников к философской рефлексии.

"Старые шаткие верования" отцов, не дававшие крепости духу (С. надеялся через некоторое время "упрочить веру умом" -- Переписка.-- С. 595), утрата после 1825 г. политических надежд, "совершенная потеря мысленного и душевного центра" (Григорьев А. Литературная критика.-- М., 1967.- С. 238), нараставшие сомнения в цели жизни и назначении человека (следствие общего, по мнению С, "недуга -- тоски и недоверчивости к жизни" (Избранное.-- С. 132), охватывавшие все большее число развитых личностей из разных сословий,-- вот те "свои" причины, почему учение Шеллинга о единстве мира, едином смысле законов бытия, природы и человеческого духа стало знаменем кружка С. Если в изучении Гегеля и пропаганде его системы С. принадлежит бесспорный приоритет, который с ним вскоре разделит Бакунин и на некоторое время Белинский, то учение Шеллинга было известно в России еще в 20 гг., им увлекались "любомудры" и московские профессора. Но именно в 30 гг. оно стало не философским интересом, а обетованной землей молодых русских идеалистов. Они нашли в этом учении "зарю утешения": человек "не потерян" в бесконечности творения, "в нем действует разумная жизнь всей природы" (из статьи С. "Моя метафизика" // Стихотворения. Трагедия. Проза.-- С. 149--151), опору в личном бытии и духовное спасение: "Грановский! веришь ли -- оковы спали с души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания... и что все другое -- призрак" (Избранное.-- С. 149). Шеллинг, таким образом, явился катализатором для новых поисков смысла жизни: из его постулата о разумности всеобщей жизни С. выводит целое учение о назначении человека. Именно в человеке жизнь мира приходит к "самоуразумлению" ("вся природа есть лестница, по которой я идет к полному разумению в человеке" -- Переписка.-- С. 585), и он должен быть достоин этой высокой миссии, постоянно самосовершенствуя и созная себя. Воспитание, "преображение" души, а в будущем -- целых народов, развитие ее разума, воли, чувству ("и в философии, и в эстетике С. отстаивал права чувства, ему важно было узаконить все надежды сердца" -- Анненков П. В. Н. В. Станкевич. Переписка и его